

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7550-2026-1-9-19

Дата принятия рукописи в печать: 15.06.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор, декан факультета профессиональной переподготовки Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского, председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права», Почетный адвокат России, эксперт РАН, ORCID 0000-0001-7731-724X, <https://ludmilagru.academia.edu/research>,

e-mail: ludmilagr@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: СОВЕТСКИЙ ЭТАП

Аннотация. В статье рассматривается советский этап российского конституционализма не как линейная история конституционных текстов, а как совокупность конкурировавших и сменявших друг друга научных школ, методологических установок и доктринальных режимов интерпретации конституции. Обосновывается, что в СССР сложились по меньшей мере пять аналитически различных школ: революционно-классовая, меновая, этатистско-позитивистская, институционально-государствоведческая и позднесоветская реформистская. Каждая из них по-своему решала вопрос о соотношении конституции, государства, права, партии, личности и общества. Доказывается, что советский конституционализм не может быть сведен только к отрицанию либеральной конституционной традиции: он представлял собой особую форму модернизационного правового мышления, в которой идея ограничения власти была вытеснена идеей классового, планового и организационного оформления власти. Такой подход позволяет точнее оценить преемственность и разрывы между дореволюционной, советской и постсоветской конституционно-правовой мыслью.

Ключевые слова: конституционализм, советское государственное право, исторические школы, марксистско-ленинская теория права, социалистическая законность, Конституция СССР, права человека, правовое государство.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky, Chairperson of the Moscow City Bar Association "Norma Prava", Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

HISTORICAL SCHOOLS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: SOVIET STAGE

Annotation. The article considers the Soviet stage of Russian constitutionalism not as a linear history of constitutional texts, but as a set of competing and successive scientific schools, methodological attitudes and doctrinal regimes for interpreting the constitution. It is substantiated that at least five analytically distinguishable schools have developed in the USSR: revolutionary-class, exchange, statistic-positivist, institutional-state and late Soviet reformist. Each of them in its own way decided the question of the relationship of the constitution, state, law, party, personality and society. It is proved that Soviet constitutionalism cannot be reduced only to the denial of the liberal constitutional tradition: it was a special form of modernizing legal thinking, in which the idea of limiting power was supplanted by the idea of class, planned and organizational registration of power. This approach makes it possible to more accurately assess the continuity and gaps between pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet constitutional and legal thought.

Key words: constitutionalism, Soviet state law, historical schools, Marxist-Leninist theory of law, socialist legality, the Constitution of the USSR, human rights, the rule of law.

Проблема исторических школ находится на пересечении истории государства
российского конституционализма в СССР и права, теории конституции, юридической

методологии и истории политико-правовых учений. Ее сложность состоит в том, что сам термин «конституционализм» в советской юридической науке долгое время воспринимался как категория буржуазной политико-правовой идеологии, связанная с разделением властей, парламентаризмом, индивидуальными правами и ограничением публичной власти. В то же время важно отметить, что советская государственно-правовая наука выработала собственный язык описания конституционной действительности: диктатура пролетариата, советская демократия, социалистическая законность, народовластие, федерализм нового типа, единство прав и обязанностей, руководящая роль партии, общенародное государство. Поэтому исследователь, обращающийся к советскому этапу, неизбежно сталкивается с вопросом: следует ли считать этот этап частью истории российского конституционализма или лишь идеологической альтернативой конституционализму как правовому ограничению власти [9, с. 24–31].

Представляется, что оба упрощенных ответа являются методологически недостаточными. Если исключить советский период из истории российского конституционализма, то выпадает более 70 лет развития институтов, категорий, юридического образования и государственно-правовой терминологии, без которых невозможно понять современное российское конституционное право. Если же отождествить советский конституционализм с классическим либеральным конституционализмом, то игнорируется его принципиальное отличие: конституция в СССР была прежде всего формой юридического закрепления социально-политического строя, а не механизмом юридического самоограничения государственной власти (выделено нами. – Л.Г.).

Под историческими школами советского этапа российского конституционализма в настоящей статье понимаются устойчивые научно-идеологические комплексы, включающие: во-первых, представление о сущности конституции; во-вторых, метод объяснения государственно-правовых явлений; в-третьих, модель соотношения личности, общества, государства и партии; в-четвертых, систему юридических понятий, через которые описывалась публичная власть; в-пятых, способ легитимации действующего конституционного порядка. Такое понимание школы отличается от узкого институционального значения, при котором школой считается только группа учеников конкретного профессора или кафедры. Для истории конституционализма важнее доктринальная школа как тип мышления, способный переживать смену авторов и учреждений.

Советская конституционно-правовая мысль не была однородной. В ней

существовали периоды методологического поиска, идеологической централизации, институционального усложнения и реформаторской самокритики. Конституция РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 г., 1936 г. и 1977 г. фиксировали разные модели советского государства: революционную республику трудящихся, союзное федеративное государство, централизованную социалистическую государственность и позднесоветскую концепцию общенародного государства [1; 2; 3; 4]. Эти тексты не только отражали политическую реальность, но и задавали направления научных исследований для юридической науки. Вокруг них формировались различные способы понимания конституции: как акта революции, как классовой программы, как основного закона социалистического государства, как системообразующего источника отрасли советского государственного права и, наконец, как объекта реформирования в направлении правового государства.

Понятие исторической школы применительно к советскому конституционализму требует специального уточнения. В истории юридической науки школа может пониматься персоналистски, когда она связывается с авторитетом конкретного ученого; институционально, когда речь идет о кафедре, исследовательском центре или научном направлении; методологически, когда школа определяется по способу постановки вопросов и построения объяснений. Для анализа СССР решающим является именно методологическое значение. Персоналистская история здесь недостаточна, поскольку значительная часть советской правовой науки формировалась под воздействием не только научной аргументации, но и политико-идеологических решений. Иными словами, школа могла существовать как обязательная методологическая рамка даже тогда, когда внутри нее допускались частные споры.

Конституционализм в классическом смысле предполагает идею юридически ограниченной власти, верховенства конституции, признания прав личности, разделения властей и независимого суда. В советской доктрине эти признаки либо переосмысливались, либо критиковались как выражение буржуазной государственности. Однако сама идея конституционной организации власти не исчезала. Она трансформировалась в вопрос о юридическом оформлении нового общественного строя, о роли Советов, о федеративном строительстве, о соотношении закона и революционной целесообразности, о месте прав граждан в системе социалистических обязанностей. Поэтому советский конституционализм следует понимать как особую историческую разновидность конституционного мышления, в которой ограничительная функция конституции была

подчинена учредительно-организационной и идеологически-легитимирующей функциям.

Важно различать советский конституционализм как политико-правовую практику и советскую науку государственного права как систему знания. Практика включала конституционные акты, структуру органов власти, федеративные отношения, партийное руководство, механизмы участия населения. Наука стремилась описать и оправдать эту практику, выработать понятия отрасли, сформировать учебную дисциплину, определить место конституции в системе социалистического права. Между практикой и наукой существовала асимметрия: практика задавала пределы допустимого теоретизирования, но наука, в свою очередь, создавала язык, при помощи которого эта практика становилась юридически представимой.

В дореволюционной российской традиции были сильны государственно-правовая, социологическая и либерально-правовая линии. Н.М. Коркунов рассматривал государственное право через призму юридических отношений и организации государственной власти [14, с. 35–48]. Б.А. Кистяковский связывал правовую культуру с признанием самостоятельной ценности права [13, с. 123–131]. С.А. Котляревский анализировал проблему правового государства как проблему ограничения власти правом [15, с. 17–28]. Советская теория не продолжила эти линии непосредственно, но постоянно полемизировала с ними, часто в форме идеологического отрицания. Именно поэтому советские школы должны изучаться не изолированно, а как ответ на дореволюционные и западноевропейские модели конституционализма.

Вопрос о школах имеет и современное значение. Многие дискуссии о социальной функции государства, единстве публичной власти, соотношении прав и обязанностей, народном суверенитете, роли идеологических ценностей и пределах судебного конституционного контроля не могут быть объяснены исключительно через постсоветские источники. Их интеллектуальные корни частично восходят к советской традиции государственного права, где конституция понималась не только как юридический акт, но и как модель общества. Следовательно, типология советских школ позволяет выявить скрытые элементы преемственности, которые продолжают влиять на юридическое мышление.

Для построения такой типологии целесообразно использовать четыре критерия. Первый критерий - понимание права: право как форма классовых отношений, как нормативная воля государства, как система институтов или как средство правового ограничения власти. Второй критерий - понимание конституции: программа революции, основной закон, юридическая форма

общественного строя, отраслевой источник, реформируемый акт высшей юридической силы. Третий критерий - отношение к личности: субъект классового коллектива, гражданин социалистического государства, участник общественного управления, носитель субъективных прав. Четвертый критерий - отношение к государству: аппарат диктатуры класса, организатор социалистического строительства, общенародная политическая организация, объект демократической и правовой реформы.

Первой исторической школой советского этапа можно считать революционно-классовую школу 1917–1920-х гг. Ее исходной предпосылкой было отрицание нейтрального, надклассового понимания государства и права. Конституция рассматривалась не как общественный договор свободных индивидов и не как юридическое ограничение власти, а как форма организации власти победившего класса. В этом смысле Конституция РСФСР 1918 г. была прежде всего конституцией революции: она закрепляла диктатуру пролетариата, власть Советов, лишение политических прав эксплуататорских групп, федеративную форму и социально-экономические основания нового строя [1].

Данная школа непосредственно опиралась на марксистское понимание государства как политической организации классового господства. Ленинская трактовка государства как машины подавления одного класса другим определила общий язык раннесоветской конституционной мысли [16, с. 7–32]. Из этого следовало, что конституция не должна маскировать классовую природу власти формальными универсальными правами. Напротив, ее задача состоит в открытом закреплении власти трудящихся и юридическом оформлении переходного периода. Поэтому раннесоветская конституция имела ярко выраженный программный характер: она одновременно описывала существующую власть и предписывала направление социального преобразования.

Революционно-классовая школа принципиально иначе решала вопрос о правах. Права понимались не как естественные и неотчуждаемые притязания человека к государству, а как политико-социальные возможности трудящихся классов, обеспечиваемые новым строем. Отсюда вытекала связь прав с социальным статусом и политической лояльностью. В современном правовом сознании такая конструкция выглядит как отрицание универсальности прав человека. Однако для раннесоветской доктрины она представлялась преодолением формального равенства буржуазного общества, при котором юридическое равноправие прикрывало экономическое неравенство [20, с. 25–35]. Особенность

революционно-классовой школы заключалась в том, что она признавала переходность права. Право и государство не мыслились как вечные формы человеческого общежития. Они должны были отмереть по мере устранения классовых антагонизмов. В конституционном плане это создавало парадокс: основной закон закреплял государственную организацию, которая в теории должна была быть исторически преодолена. Поэтому раннесоветский конституционализм был внутренне напряжен: он строил сильную публичную власть во имя будущего безгосударственного общества.

П.И. Стучка сформулировал одну из наиболее влиятельных версий классового правопонимания, определяя право через систему общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемых организованной силой этого класса [25, с. 50–62]. Для конституционной теории это означало, что основной закон не может быть понят вне экономической структуры и классовой борьбы. Конституция становится юридической формой соотношения классовых сил. Такой подход разрушал формально-юридическую автономию конституционного текста, но одновременно позволял видеть связь конституции с социальной реальностью.

Сильная сторона революционно-классовой школы состояла, на наш взгляд, в ее исторической конкретности. Она не рассматривала конституцию как набор абстрактных норм, а связывала ее с революционным процессом, социальными конфликтами и изменением собственности. Слабая сторона заключалась в недооценке автономии юридической формы. Если право понимается почти исключительно как выражение классовой силы, то конституция теряет способность выступать самостоятельным критерием оценки власти. Она фиксирует победу, но не устанавливает действенных правовых пределов для победителей. Именно в этом пункте раннесоветская школа радикально расходилась с либерально-правовой традицией российского конституционализма начала XX в. Для Б.А. Кистяковского и П.С. Котляревского ценность права состояла в том, что оно ограничивает произвольную власть и формирует правосознание свободной личности [13, с. 128–140; 15, с. 41–57]. Для революционно-классовой школы право было прежде всего средством классового переустройства. Поэтому спор между этими традициями был не спором о деталях конституционной техники, а спором о природе права как такового.

Внутри раннесоветской правовой науки существовала не только революционно-классовая линия П.И. Стучки, но и более сложная социологико-правовая и меновая интерпретация права, связанная, прежде всего, с Е.Б.

Пашуканисом и М.А. Рейснером. Эти авторы не образовывали конституционно-правовую школу в узком отраслевом смысле, однако их концепции оказали существенное влияние на понимание советской конституции как производной от социальной структуры (выделено нами. – Л.Г.). Для них право не сводилось к тексту закона; оно рассматривалось как особая форма общественных отношений, возникающая при определенных экономических условиях [23, с. 42–59].

Отметим, что Е.Б. Пашуканис исходил из того, что юридическая форма исторически связана с товарным обменом и субъектами, признающими друг друга формально равными участниками правового общения [23, с. 67–82]. В таком подходе конституционное право оказывалось проблематичным: если развитая юридическая форма принадлежит миру товарного общества, то социалистическое строительство должно вести не к расширению права, а к его постепенному преодолению административно-плановой организацией. Конституция в этой перспективе воспринималась не как вечная гарантия свободы, а как временная политико-юридическая оболочка переходного периода.

М.А. Рейснер, напротив, развивал психологизированную и социологизированную версию правопонимания, связывая право с правовыми переживаниями, идеологиями и социальными группами [24, с. 14–29]. Его подход позволял увидеть множественность правовых систем и конфликт правосознаний. Применительно к советскому конституционализму это означало, что новая конституция не просто отменяет старое право, а создает новое коллективное представление о должном порядке. Здесь возникает важный для истории конституционализма вопрос: может ли конституция быть эффективной без устойчивой правовой культуры, признающей ее авторитет.

Меновая школа особенно важна для теории вопроса потому, что она показывает пределы раннесоветского антиформализма. С одной стороны, она разоблачала юридический фетишизм, то есть представление о правовых нормах как самостоятельной силе, независимой от экономики и власти. С другой стороны, в ней содержался риск растворения конституционного права в экономической и политической социологии. Если юридическая форма является лишь исторической оболочкой товарного обмена, то социалистическая конституция оказывается теоретически вторичной и даже подозрительной: ее значение состоит не в юридической нормативности, а в фиксации текущего этапа перехода.

Именно поэтому в конце 1920-х – начале 1930-х гг. подобные концепции начали восприниматься как методологически неудобные для складывающейся централизованной

государственности. Советскому государству требовалась не теория отмирания права, а теория укрепления законности, дисциплины, государственного управления и обязательности нормативного акта. Конституционализм как революционная программа должен был уступить место конституционализму как юридическому оформлению построенного социалистического государства. Этот поворот подготовил переход к этатистско-позитивистской школе. Тем не менее, вклад меновой и социологической линии не должен оцениваться только негативно. Она поставила вопросы, которые остаются значимыми для современной теории конституции: как соотносятся юридическая форма и экономическая структура; может ли конституция быть реальной при отсутствии социальных условий ее действия; является ли субъект конституционных прав абстрактной юридической конструкцией или продуктом определенного типа общества. Даже если ответы раннесоветских авторов были идеологически обусловлены, сами вопросы сохраняют методологическую ценность.

Третья историческая школа советского конституционализма связана с 1930–1950 гг. и может быть обозначена как этатистско-позитивистская. Ее формирование совпало с усилением централизованного государства, утверждением концепции социалистической законности и принятием Конституции СССР 1936 г. В отличие от раннесоветского антиформализма, эта школа придавала существенно большее значение нормативному акту, государственному принуждению, системности законодательства и юридической дисциплине. Конституция стала рассматриваться как Основной Закон победившего социализма [3].

Ключевую роль в оформлении этой школы сыграла доктрина А.Я. Вышинского. Его определение права как совокупности правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных или санкционированных государством и охраняемых его принудительной силой, стало каноническим для советской юридической науки середины XX в. [10, с. 72–84]. В конституционно-правовой плоскости это означало резкое усиление государственно-нормативного элемента. Право переставало быть только общественным отношением или формой обмена; оно становилось общеобязательной нормой, обеспеченной государством.

Конституция СССР 1936 г. в официальной доктрине представлялась конституцией победившего социализма, закрепившей новые классовые и социальные реалии. Она провозглашала широкую систему прав граждан, всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, новую структуру высших органов власти, союзно-республиканскую федерацию. Однако в теоретическом отношении

ее центральная функция заключалась не в установлении механизма политической конкуренции, а в юридическом выражении достигнутого социального строя. Конституция фиксировала единство общества и государства, а не баланс автономных властей.

Этатистско-позитивистская школа обладала внутренней двойственностью. С одной стороны, она реабилитировала значение юридической формы и тем самым создала предпосылки для развития отрасли государственного права. С другой стороны, эта юридическая форма была подчинена государственно-партийной воле. Верховенство конституции не означало реального приоритета конституционных норм над политическими решениями. Формальная нормативность усилилась, но ограничительная функция конституции оставалась слабой. Именно поэтому данную школу нельзя отождествлять с правовым позитивизмом западного типа: ее позитивизм был этатистским и идеологически заданным.

Для этой школы характерно также изменение отношения к правам. Если раннесоветский подход открыто связывал права с классовым статусом, то сталинская конституционная доктрина говорила о правах всех граждан социалистического общества. Однако права понимались как результат социалистического строя и как предоставленные государством юридические возможности. Они не противопоставлялись власти и не служили основанием судебного контроля над законодательством. Их гарантией объявлялись социально-экономические условия, плановая экономика, общественная собственность и деятельность государства [10, с. 290–310].

Важным методологическим итогом этатистско-позитивистской школы стало закрепление отраслевого статуса советского государственного права. Конституция стала рассматриваться как ядро отрасли, определяющей основы общественного и государственного строя, правовое положение граждан, систему органов власти и национально-государственное устройство. Такой отраслевой подход был необходим для юридического образования и систематизации знания. Однако он одновременно сужал теоретический горизонт: государственное право изучало прежде всего нормативно закреплённые институты, не ставя под сомнение политические предпосылки их действия. В историографическом плане этот этап часто оценивается преимущественно через призму репрессивной политической практики. Такая оценка понятна, но для теории конституционализма недостаточна. Необходимо видеть, что именно в 1930–1950-е гг. была создана прочная советская юридическая грамматика конституции: основной закон, система органов,

компетенция, гражданство, избирательная система, федерация, права и обязанности. Проблема заключалась не в отсутствии юридического языка, а в том, что этот язык функционировал внутри политического порядка, не допускавшего автономной конституционной юстиции и реального разделения властей.

После XX съезда КПСС и частичной десталинизации советская государственно-правовая наука постепенно смещается от жесткой идеологической формулы к более институциональному и системному описанию публичной власти. Этот этап можно обозначить как институционально-государствоведческую школу. Ее центром становится разработка советского государственного права как отрасли и науки: предмет, метод, источники, структура норм, правовой статус граждан, система Советов, федеративные отношения, формы народного представительства. В этой школе конституция прежде всего выступает системообразующим нормативным актом, вокруг которого строится отраслевое знание [17, с. 12–31].

Например, А.И. Лепешкин и другие представители советской науки государственного права стремились описать советскую государственность не только через классовую сущность, но и через институты, компетенцию, юридические процедуры, формы деятельности органов власти [17, с. 45–67]. Это был важный шаг к профессионализации конституционно-правовой науки. Исследовательский акцент переносился с общей теории диктатуры пролетариата на конкретные механизмы государственной организации. При этом идеологическая рамка сохранялась: Советы рассматривались как органы подлинного народовластия, а руководящая роль партии – как политическое условие единства системы.

Институциональная школа развивала понятие социалистической демократии. В отличие от либеральной демократии, построенной на политическом плюрализме и конкуренции партий, советская демократия понималась как участие трудящихся в управлении государством через Советы, общественные организации, трудовые коллективы, формы общественного контроля. Это позволяло расширить предмет конституционного права за пределы аппарата государства и включить в него общественные структуры. Однако такая расширенная демократия не создавала механизма легальной политической альтернативы, поскольку партийное руководство выступало системным центром. Важным достижением данной школы стало более подробное исследование правового статуса личности. Советская доктрина постепенно уходила от чисто классовой терминологии и развивала категории гражданства, основных прав, свобод и обязанностей. При этом права

продолжали пониматься в органическом единстве с обязанностями и интересами общества. Личность рассматривалась не как автономный индивид, противостоящий государству, а как участник социалистического коллектива. Поэтому пределы прав определялись не столько судебной защитой от государства, сколько задачами коммунистического строительства и общественной дисциплины.

Институционально-государствоведческая школа особенно ярко проявилась в подготовке и интерпретации Конституции СССР 1977 г. Основной Закон закрепил концепцию развитого социализма, общенародного государства, расширенный каталог прав и обязанностей, основы политической системы, включая руководящую и направляющую роль КПСС [4]. Для советской науки это означало усложнение предмета конституционного права: наряду с государственным аппаратом в него включались политическая система общества, общественные организации, трудовые коллективы, основы экономической системы и социального развития.

С теоретической точки зрения Конституция 1977 г. усилила социальную модель конституции. Она регулировала не только государственную власть, но и экономику, социальную сферу, культуру, международную политику, отношения личности и коллектива. В этом проявлялась характерная черта советского конституционализма: конституция понималась как юридическая модель всего общества. Либеральная конституция обычно стремится очертить пределы публичной власти; советская конституция стремилась описать целостный социальный организм и направление его развития.

Достоинство институциональной школы состояло в разработке понятийного аппарата и системности. Она создала учебники, курсы, отраслевые классификации, исследовала компетенцию органов, формы представительства, федеративное устройство, избирательное право. Без этого опыта невозможно понять становление постсоветской науки конституционного права. Ограниченность школы заключалась в том, что она редко превращала институциональный анализ в критику реального распределения власти. Партийное руководство, отсутствие разделения властей и слабость судебной защиты конституции обычно рассматривались не как проблемы, а как особенности социалистической демократии.

Пятая историческая школа формируется в период позднего СССР, особенно во второй половине 1980-х гг., когда в юридическую и политическую лексику возвращаются категории правового государства, разделения властей, конституционного контроля, политического плюрализма, прав человека, парламентаризма.

Эту школу можно назвать реформистской или переходной. Она возникла внутри советской традиции, но постепенно стала выходить за ее пределы. В центре внимания оказалась уже не только юридическая организация социалистического строя, но и вопрос о том, каким образом власть может быть поставлена в правовые рамки.

Позднесоветская реформистская школа имела несколько источников. Во-первых, накопилось противоречие между развитым каталогом конституционных прав и слабостью реальных механизмов их защиты. Во-вторых, институциональная модель Советов не обеспечивала эффективного контроля над исполнительной и партийной властью. В-третьих, федеративная конструкция СССР вступила в кризис под влиянием национально-государственных процессов. В-четвертых, советская юридическая наука к этому времени накопила достаточно развитый понятийный аппарат, чтобы осмыслить необходимость конституционной реформы.

Реформы 1988–1990 гг. существенно изменили советскую конституционную систему: был учрежден Съезд народных депутатов СССР, изменена структура высших органов власти, введены элементы конкурентных выборов, создан Комитет конституционного надзора СССР, учрежден пост Президента СССР, пересмотрена статья о руководящей роли КПСС [5; 6]. Эти изменения не успели стабилизировать советскую государственность, но они радикально изменили теоретический горизонт. Конституция стала восприниматься уже не только как символ достигнутого строя, но и как инструмент политико-правовой трансформации. Поворот к правовому государству означал частичную реабилитацию тех идей, которые ранее критиковались как буржуазные: верховенство закона, права личности, судебная защита, разделение властей, юридическая ответственность государства. Однако позднесоветская реформистская школа не была простым возвращением к дореволюционному либерализму. Она пыталась соединить социальные достижения советской модели с правовыми гарантиями и институциональными ограничениями власти. В этом состояла ее теоретическая продуктивность и одновременно внутренняя противоречивость.

Одним из наиболее значимых вопросов стало соотношение социалистической законности и правового государства. Социалистическая законность предполагала обязательность закона для органов и граждан, но закон в этой модели оставался выражением политически организованной государственной воли.

Правовое государство требует большего: оно предполагает приоритет прав человека, юридическую связанность законодателя конституцией, независимый суд и возможность проверки актов власти на соответствие высшему праву.

Поэтому переход от законности к правовому государству был не терминологической заменой, а изменением самой структуры конституционного мышления.

Позднесоветская школа впервые в советском контексте поставила вопрос о самостоятельной ценности конституционного контроля. Комитет конституционного надзора СССР не был конституционным судом в современном смысле, однако сам факт его учреждения означал признание проблемы несоответствия актов власти конституции. Тем самым в советскую систему был введен элемент, потенциально ограничивающий законодательную и исполнительную власть юридическим критерием. Для истории российского конституционализма это имело принципиальное значение: открывался путь к постсоветской модели конституционного правосудия. Следует подчеркнуть, что позднесоветская реформистская школа не успела завершиться в самостоятельную устойчивую доктрину. Распад СССР прервал ее развитие и одновременно радикализировал многие ее идеи в постсоветских условиях. Тем не менее именно она создала интеллектуальный мост между советским государственным правом и современным конституционным правом России. Через нее в научный оборот вернулись вопросы, без которых конституционализм невозможен: пределы власти, самостоятельность суда, юридическое значение прав личности, конституционная ответственность, политический плюрализм.

Для теоретического анализа важно не только описать школы последовательно, но и сопоставить их по ключевым признакам. Такое сопоставление позволяет увидеть, что советский конституционализм развивался не как единая доктрина, а как смена доминирующих способов юридического мышления. При этом каждая последующая школа не полностью отменяла предыдущую, а переоформляла ее элементы. Классовый подход сохранялся в институциональной школе; этатистский позитивизм пережил позднесоветские реформы; социальная трактовка прав вошла в постсоветские дискуссии о социальном государстве.

Историческая школа	Период и ключевые авторы	Понимание конституции	Методологический результат
Революционно-классовая	1917–1920-е гг.; В.И. Ленин, П.И. Стучка	Акт власти трудящихся, программа диктатуры пролетариата, форма переходного периода	Связала конституцию с социальной революцией, но ослабила автономию юридической формы
Меновая и социологико-правовая	1920-е гг.; Е.Б. Пашуканис, М.А. Рейснер	Юридическая оболочка общественных отношений; временная форма перехода	Поставила вопрос о зависимости права от экономики и правосознания
Этатистско-позитивистская	1930–1950-е гг.; А.Я. Вышинский	Основной Закон социалистического государства, выражение государственной воли	Укрепила нормативность и отраслевую систему, но подчинила право политической воле
Институционально-государствоведческая	1960–1970-е гг.; А.И. Лепешкин и др.	Системообразующий источник советского государственного права	Разработала институты, компетенцию, статус граждан и модель социалистической демократии
Позднесоветская реформистская	1980-е - 1991 г.; реформаторская государственно-правовая наука	Инструмент правовой реформы, конституционного контроля и ограничения власти	Вернула категории правового государства, прав человека и разделения властей

Из таблицы видно, что различия между школами касаются прежде всего функции конституции. В революционно-классовой школе конституция учреждает власть победившего класса; в меновой школе она проблематизируется как юридическая форма переходного общества; в этатистско-позитивистской школе становится нормативным выражением социалистической государственности; в институциональной школе - системообразующим источником отрасли; в реформистской школе - инструментом ограничения и преобразования власти. Эта логика показывает, что советская доктрина постепенно двигалась от антиформализма к юридизации, а затем к частичной конституционализации власти. Однако это движение не было прямой дорогой к классическому конституционализму. На каждом этапе сохранялась сильная идея первичности социального целого по отношению к индивиду. Даже позднесоветский поворот к правовому государству не означал полного отказа от социальной модели конституции. Советское наследие поэтому амбивалентно: оно одновременно ослабляло индивидуалистический компонент конституционализма и усиливало социально-экономическое измерение конституционного права. Эта амбивалентность сохраняется и в современной дискуссии о социальном государстве, публичной власти и

конституционной идентичности.

Ключевой критерий оценки советских школ - их отношение к ограничению власти. Революционно-классовая школа фактически заменяла ограничение власти вопросом о классовой природе власти. Меновая школа растворяла власть в экономико-социальных отношениях. Этатистско-позитивистская школа утверждала обязательность права, но не создавала автономного конституционного контроля. Институциональная школа описывала систему органов, но не ставила вопрос о реальном балансе властей. Лишь позднесоветская реформистская школа начала возвращать ограничительную функцию конституции в центр теории.

В то же время неправильно было бы оценивать советскую традицию исключительно по критерию либерального ограничения власти. Для истории российского конституционализма важны и иные элементы: массовое представительство, социальные права, федеративная организация, идея публичного планирования, связь конституции с социальной политикой, юридическое оформление правового статуса гражданина. Советская доктрина развивала эти элементы в специфической идеологической форме. Их критическое наследование требует не механического отрицания, а точного различения правовых достижений и политико-

идеологических ограничений [9, с. 47–55].

Преемственность советского и постсоветского конституционализма является одной из наиболее сложных проблем современной историко-правовой науки. С одной стороны, Конституция Российской Федерации 1993 г. построена на принципиально иной ценностной базе: человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью; закреплены разделение властей, политическое многообразие, местное самоуправление, судебная защита, прямое действие конституционных норм. С другой стороны, многие институциональные и понятийные элементы современного конституционного права развивались на материале советской отрасли государственного права.

Советская традиция оставила как минимум четыре устойчивых наследия. Первое - системное понимание конституции как акта, регулирующего не только органы власти, но и основы общества. Второе - развитая идея социальных прав и социальной функции государства. Третье - высокая значимость публичного интереса и коллективных форм участия. Четвертое - сильная государственно-центристская оптика, при которой государство воспринимается главным организатором общественного развития. Эти элементы не являются сами по себе антиконституционными; их значение зависит от того, соединены ли они с юридическими гарантиями свободы, независимым судом и реальной ответственностью публичной власти. Наиболее проблемным наследием является подмена верховенства конституции верховенством политической целесообразности. Для советских школ в разной мере было характерно убеждение, что право получает свое значение через историческую задачу, классовый интерес, социалистическое строительство или государственную организацию. Такая установка делает конституцию зависимой от внеправового центра. Современный конституционализм, напротив, требует признания конституции критерием оценки самой власти. Поэтому главный урок советского опыта состоит в том, что развитый текст конституции и обширный каталог прав не гарантируют конституционализма без институтов, способных обеспечить юридическую связанность власти.

Вместе с тем, советский опыт показывает и ограниченность сугубо формального понимания конституции. Конституция не действует в социальном вакууме. Ее реальность зависит от политической культуры, структуры собственности, образования, судебной системы, административной практики, профессиональной юридической науки и гражданского участия. В этом смысле раннесоветская критика формального равенства, несмотря на ее

идеологическую односторонность, затрагивала реальную проблему: права должны иметь материальные, организационные и процедурные гарантии. Современная теория прав человека также не может игнорировать социальные условия осуществления прав. Поэтому продуктивная модель преемственности должна быть критической. Она не должна реставрировать советскую идеологию, но и не должна объявлять весь советский период правовой пустотой. Критическая преемственность означает сохранение системности, социальной чувствительности, внимания к публичным институтам и массовому участию при одновременном отказе от партийного монизма, подчинения права политической целесообразности, отрицания автономии личности и слабости судебной защиты. Такой подход позволяет включить советский период в историю российского конституционализма как особый, противоречивый и методологически значимый этап. Важным направлением дальнейших исследований является персональная и институциональная карта советских школ.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что советский этап российского конституционализма не может быть описан как единая монолитная доктрина. Он включает несколько исторических школ, различавшихся пониманием права, конституции, государства, личности и общества. Революционно-классовая школа рассматривала конституцию как юридическую форму власти трудящихся и перехода к социализму. Меновая и социологико-правовая школа поставила вопрос о зависимости юридической формы от экономических и социальных отношений. Этноистско-позитивистская школа превратила конституцию в Основной Закон социалистического государства и укрепила нормативно-отраслевую структуру советского права. Институционально-государствоведческая школа разработала системный аппарат советского государственного права. Позднесоветская реформистская школа вернула в научный оборот идеи правового государства, конституционного контроля и ограничения власти.

Главная особенность советского конституционализма состоит в том, что он заменял классическую ограничительную функцию конституции учредительной, организационной, социальной и идеологической функциями. Конституция в СССР была призвана не столько ограничивать власть, сколько юридически выражать модель общества и легитимировать политический порядок. Однако внутри этой модели постепенно накапливались элементы юридизации: системность законодательства, отраслевое развитие государственного права, каталог прав граждан, идея законности,

институциональная техника, позднее – конституционный надзор. Эти элементы создали предпосылки для постсоветского конституционного перехода.

Теоретическое значение предложенной типологии состоит в том, что она позволяет преодолеть две крайности: апологетическое представление о советских конституциях как полноценном выражении народовластия и нигилистическое представление о советском периоде как о полном отсутствии конституционализма. Более точным является понимание советского конституционализма как особой исторической формы конституционного мышления, в которой юридическая организация власти развивалась при слабости механизмов ее правового ограничения. Эта форма была внутренне противоречивой, но именно поэтому она представляет значительный научный интерес.

Для современной российской конституционно-правовой науки обращение к советским школам имеет не только историческое, но и методологическое значение. Оно позволяет лучше понять происхождение государственно-центристских подходов, сильной социальной трактовки конституции, особого внимания к публичному интересу, а также устойчивых трудностей в восприятии конституции как непосредственно действующего ограничения власти. История советских школ показывает: конституционализм существует не только в текстах основных законов, но и в способе юридического мышления.

Список литературы:

- [1] Конституция (Основной Закон) РСФСР 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
- [2] Конституция (Основной Закон) СССР 1924 г. // Собрание законов СССР. 1924. № 1. Ст. 1.
- [3] Конституция (Основной Закон) СССР 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 декабря.
- [4] Конституция (Основной Закон) СССР 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
- [5] Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-ХІ «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727.
- [6] Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-І «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. Ст. 189.
- [7] Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.
- [8] Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
- [9] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2014.
- [10] Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 420 с.
- [11] Исаев И.А. История государства и права России: учебник. М.: Проспект, 2021. 800 с.
- [12] Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. 332 с.
- [13] Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 122–149.
- [14] Коркунов Н.М. Русское государственное право: в 2 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909.
- [15] Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М.: Мысль, 1915. 419 с.
- [16] Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
- [17] Лепешкин А.И. Курс советского государственного права: в 2 т. Т. 1. М.: Госюриздат, 1961. 560 с.
- [18] Лепешкин А.И. Курс советского государственного права: в 2 т. Т. 2. М.: Госюриздат, 1961.
- [19] Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1928. 298 с.
- [20] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7–544.
- [21] Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 219–368.
- [22] Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М.: Юридическая литература, 1967. 175 с.
- [23] Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М.: Издательство Социалистической академии, 1924. 160 с.
- [24] Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.: Прибой, 1925. 276 с.
- [25] Стучка П.И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. М.: Госиздат, 1921. 125 с.
- [26] Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М.: Госюриздат, 1948. 480 с.
- [27] Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М.: Наука,

1971. 384 с.

[28] Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1967. 216 с.

[29] Чиркин В.Е. Государствоведение. М.: Юрист, 1999. 400 с.

[30] Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М.: Зерцало, 2003. 320 с.

[31] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. 698 с.

References:

[1] Constitution (Basic Law) of the RSFSR 1918// Collection of legalizations of the RSFSR. 1918. № 51. Art. 582.

[2] Constitution (Basic Law) of the USSR 1924// Collection of Laws of the USSR. 1924. № 1. Art. 1.

[3] Constitution (Basic Law) of the USSR 1936//News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1936. Dec. 6.

[4] Constitution (Basic Law) of the USSR 1977// Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. № 41. Art. 617.

[5] Law of the USSR of December 1, 1988 No. 9853-XI "On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the USSR" //Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1988. № 49. Art. 727.

[6] USSR Law of March 14, 1990 No. 1360-I "On the Establishment of the Post of President of the USSR and Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the USSR" //Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 12. Art. 189.

[7] Alekseev S.S. General theory of law: in 2 vols. T. 1. M.: Legal literature, 1981. 360 s.

[8] Alekseev S.S. Theory of law. M.: BECK, 1994. 224 pp.

[9] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: training course: in 2 vols. M.: Norma, 2014.

[10] Vyshinsky A.Ya. Questions of theory of state and law. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1949. 420 s.

[11] I.A. Isaev. History of the state and law of Russia: textbook. M.: Prospect, 2021. 800 s.

[12] Kerimov D.A. Philosophical foundations of political and legal studies. M.: Thought, 1986. 332 pp.

[13] Kistyakovskiy B.A. In defense of law // Milestones: a collection of articles on the Russian intelligentsia. M., 1909. S. 122-149.

[14] Korkunov N.M. Russian state law: in 2 vols. St. Petersburg: Printing house M.M. Stasyulevich, 1909.

[15] Kotlyarevsky S.A. Power and law. The problem of the rule of law. M.: Thought, 1915. 419 p.

[16] Lenin V.I. State and Revolution//Complete Works. 5th ed. T. 33. M.: Politizdat, 1969. S. 1-120.

[17] Lepeshkin A.I. Course of Soviet state law: in 2 vols. T. 1. M.: Gosyurizdat, 1961. 560 s.

[18] Lepeshkin A.I. Course of Soviet state law: in 2 vols. T. 2. M.: Gosyurizdat, 1961.

[19] Magaziner Y.M. General theory of law based on Soviet law. L.: Publishing House of Leningrad University, 1928. 298 pp.

[20] Marx K., Engels F. German ideology//Works. 2nd ed. VOL. 3. M.: Politizdat, 1955. S. 7-544.

[21] Marx K. To criticism of Hegelian philosophy of law//Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. VOL. 1. M.: Politizdat, 1955. S. 219-368.

[22] A.V. Mitskevich. Acts of the highest bodies of the Soviet state: the legal nature of normative acts of the highest bodies of state power and administration of the USSR. M.: Legal literature, 1967. 175 p.

[23] Pashukanis E.B. General theory of law and Marxism. Experience criticizing basic legal concepts. M.: Publishing House of the Socialist Academy, 1924. 160 s.

[24] Reisner MA Law. Our right. Someone else's right. Common law. L.: Surf, 1925. 276 pp.

[25] P.I. The revolutionary role of law and state. General doctrine of law. M.: Gosizdat, 1921. 125 s.

[26] Theory of state and law/ed. A.I. Denisova. M.: Gosyurizdat, 1948. 480 s.

[27] Tumanov V.A. Bourgeois legal ideology: to criticism of the teachings of law. M.: Science, 1971. 384 pp.

[28] Farber IE, Rzhnevsky V.A. Questions of the theory of Soviet constitutional law. Saratov: Saratov University Publishing House, 1967. 216 pp.

[29] Chirkin V.E. State studies. M.: Lawyer, 1999. 400 s.

[30] Chistyakov O.I. Constitution of the RSFSR of 1918. M.: Zerkalo, 2003. 320 s.

[31] Shershenovich G.F. General theory of law. M.: Edition Br. Bashmakovs, 1910. 698 pp.

JURKOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.